

ТИПЫ ЛЕГИТИМНОСТИ И ПРОБЛЕМА ОПРАВДАНИЯ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ВЛАСТИ

Н. С. Розов

Наступивший период глобальной турбулентности, начало которого можно датировать либо терактами 2001 г. в США, либо мировым экономическим кризисом 2008 г., делает социально-политические кризисы и революции более вероятными и частыми явлениями. Революции в Грузии и Киргизии, Арабская весна, движения «Оккупай» в США и Европе, гражданские войны в Ливии и Сирии, протесты в России 2011–2012 гг., украинская революция, массовые уличные акции и беспорядки в Таиланде и Венесуэле – такого рода события и процессы будут продолжаться, а возможно, и нарастать в обозримом будущем. Некоторые социально-политические кризисы приводят к смене власти. Если эти события сопряжены с массовыми движениями протеста, существенным изменением государственных и классовых структур, соответствующих правовых основ социального взаимодействия, то они квалифицируются как революции (Skocpol 1979).

Новая типология легитимности

Каждый постреволюционный режим сталкивается с острыми проблемами внутреннего и внешнего признания – легитимности. Наиболее общий смысл легитимности – это признание законности власти, ее права управлять: устанавливать законы, собирать налоги и сборы, судить, принуждать, наказывать.

Увы, типология легитимности по М. Веберу, кочующая из учебника в учебник (традиционная, харизматическая, целерациональная), нерелевантна для большинства современных исследовательских задач. Во-первых, значимые типы легитимности сейчас другие. Во-вторых, все они являются переменными: легитимность каждого типа повышается и понижается в зависимости от множе-

ства факторов. В-третьих, критерии каждого типа легитимности различны, и многие из них до сих пор остаются крайне смутными, требующими прояснения.

Рассмотрим два способа различения типов легитимности: по субъекту и по основанию признания. По признаку «кто признает власть» выделим следующие типы:

- *популярная (рейтинговая) легитимность* (лидера, партии, власти в целом, режима) – признание со стороны населения;

- *силовая легитимность* – признание со стороны аппарата принуждения, организованных вооруженных отрядов (полиции, армии, спецслужб), в той или иной мере готовых применять насилие в пользу держателей власти или претендентов на власть¹;

- *авторитетная легитимность* – признание со стороны главных высокостатусных институтов, воплощающих собой основные мировоззренческие ценности и принципы в данном обществе; таковыми бывают либо церкви (например, в лице папы, патриарха, имама, далай-ламы и т. д.), либо высшая судебная инстанция (например, Конституционный суд) и др.;

- *международная легитимность* – признание ведущими державами и международными организациями, как региональными (например, Советом Европы), так и глобальными (прежде всего ООН).

Каждый субъект признает в той или иной мере либо не признает власть и режим, исходя из разных установок и соображений, которые могут быть обобщены и концептуализированы как основания легитимности. По признаку оснований выделим следующие типы:

- *легитимность de facto* – фактическое признание нахождения во власти лиц и групп, поскольку они достаточно продолжительное время осуществляют управление на территории (без постоянных мятежей, войн, геноцида). Так, в частности, международное сообщество смиряется с существованием непризнанных государств;

- *правовая легитимность de jure* (легальность) – признание правомерности нахождения во власти лиц и групп на основе соответствия процедур их вхождения во власть принятым законам и общим правовым принципам.

¹ «Власть легитимна в той мере, в которой властитель (power-holder) на основе доктрин и норм, оправдывающих власть, может при необходимости апеллировать к иным резервным центрам силы, достаточным для утверждения эффективности его власти» (Stinchcombe 1987: 162).

Легитимность *de jure* следует разделить на два подтипа.

Первый. Формально-нормативная легитимность – признание правомерности нахождения во власти лиц и групп на основе соответствия процедур их вхождения во власть букве законов и других нормативных актов, официально действующих в данный период в данном обществе. Формально-нормативная легитимность соотносима с позитивным правом – принципом обязательности соблюдения писаных законов.

Второй. Общеправовая легитимность – признание правомерности нахождения во власти лиц и групп на основе соответствия способа их вхождения во власть неким абстрактным правовым принципам, а также духу конституции страны, основополагающих документов современного международного права. Общеправовая легитимность соотносима с естественным правом как неким моральным и юридическим идеалом, связанным с представлениями об объективных, неотъемлемых правах и свободах человека, а также с принципами равенства, честности, справедливости, гуманности, добровольности подписания договоров, обязательности их выполнения и т. д.

Не следует думать, что общеправовая легитимность является лишь отвлеченной идеей. Нюрнбергский процесс, как раз столкнувшийся с недостаточностью формально-нормативного принципа (нацисты ведь выполняли приказы, подчиняясь дисциплине в полном соответствии с присягой), ввел категорию «преступления против человечности», трактуя человечность (гуманность) именно как воплощение общеправового принципа.

Правовая прерывность при смене власти и проблема легитимности

Вряд ли нужно обосновывать, что при успешной революции, включающей смену власти, всегда нарушаются те или иные законы, значит, имеет место правовая прерывность и ущерб в отношении формально-правовой легитимности. Это означает, что для любой постреволюционной власти проблема ее легитимности стоит очень остро (Мирзоев 2006). Правовая прерывность – важнейший фактор делегитимации. Сама устойчивость новой власти более всего зависит от получения силовой легитимности (поддерживают ли революционеров-победителей армия и полиция), которая, в свою оче-

редь, испытывает влияние авторитетной легитимности (позиции церкви, высших судебных инстанций, лидеров общественного мнения), международной легитимности (признания соседями и влиятельными державами) и популярной легитимности (поддержки широких масс).

Революционная смена власти далеко не всегда сразу приводит к стабильному новому режиму. Иногда период переворотов, гражданских конфликтов и войн вкупе с международными войнами, сепаратистскими движениями затягивается на десятки лет (пример: Синьхайская революция 1911 г. в Китае и установление коммунистического режима в материковом Китае в 1949 г.). Здесь отвлечемся от революционной динамики и рассмотрим только вопрос оснований легитимности постреволюционной власти и нового режима.

Когда режим достигает устойчивости (без новых переворотов хотя бы на протяжении одного поколения – 20–30 лет), это уже означает обретение силовой легитимности, а также критического минимума авторитетной и популярной легитимности. В плане международной легитимности такие режимы обычно признаются другими государствами *de facto* (их не пытаются свергнуть путем вторжения, начинают торговлю и прочие взаимодействия). Признание *de jure* зависит не только и не столько от формальной законности (которая всегда была в какой-то мере нарушена), сколько от неправовых факторов – геополитических и экономических интересов. Этот аспект интересен в историческом плане и в теории международных отношений. Нас же здесь интересует философско-правовая сторона вопроса: каковы правомерные основания признания постреволюционных власти и режима легитимными?

Уровень оправданности правового разрыва

Первое, что нас должно интересовать: насколько были оправданы сама нештатная (принудительная, насильственная) смена власти и соответствующее нарушение действующих законов? Установим следующий принцип: общеправовая легитимность революционной смены власти тем выше, чем менее легитимны прежние власть и режим.

А как измерить их легитимность? Здесь мы сразу сталкиваемся с опасностью соскользнуть к «партийным», идеологизированным оценкам, которые всегда доминируют при политической поляриза-

ции в революционный период и сохраняются надолго. Ни массовая поддержка (популярная легитимность), ни внешнее признание (международная легитимность), ни тем более лояльность аппарата принуждения (силовая легитимность) не могут служить критериями в данном случае. Опирается следует только на правовую легитимность, но и здесь нас поджидают трудности.

В первую очередь следует обратиться к формально-нормативной легитимности – принципу позитивного права. Власть делегитимирует себя, когда нарушает собственные законы, но не по пустякам, а в связи с правами и свободами граждан, с насилием и контролем над насилием. Если в конституции фиксированы права граждан на мирные собрания, на свободу слова и печати, если действующими законами запрещено разгонять, избивать, задерживать мирных демонстрантов, тем более наносить увечья и стрелять в них, то власть, допускающая противоречащие этим нормам действия, не наказывающая тех, кто отдавал такие незаконные приказы, существенно себя делегитимирует.

При усугублении нарушений, что выливается в откровенную войну против протестующих (многократные избиения и убийства), мятежи становятся уже не преступлениями, а реализацией права народа на восстание. Соответственно при смене власти уровень легитимности революции и нового режима становится высоким, поскольку опирается на утрату легитимности прежней властью. Здесь необходимы следствие и состязательные судебные процессы, причем не только против представителей прежней власти, но и против тех участников, лидеров протеста, кто допускал неоправданное насилие.

Легитимно ли нарушение нелегитимных законов?

В тоталитарных и авторитарных режимах, а также во многих имитационных демократиях (где подзаконные акты и практики государственного насилия существенно противоречат нормам конституции) законы издаются полицейские – полностью связывающие руки оппозиции и протесту и полностью развязывающие их силовому аппарату принуждения. Режим действует вполне жестоко, беспощадно, но – «по закону», а протестующие не то что не имеют права сопротивляться, но могут сесть в тюрьму только за

«причинение нравственных страданий» охранникам или полицейским.

В таких ситуациях опираться на формально-нормативный принцип уже нельзя. Зато остается принцип общеправовой, согласно которому «полицейские» законы могут и должны быть признаны нелегитимными. Трудность здесь заключается в том, что, не будучи четко зафиксированным на бумаге («позитивно»), общеправовой принцип имеет несколько расплывчатый характер, что делает апелляции к нему уязвимыми. Радикалы и погромщики с готовностью используют эту уязвимость, прикрывая свои неблагоприятные действия «протестом» против «ужасного кровавого режима» и его «несправедливых полицейских законов».

Таким образом, непростая задача заключается в том, чтобы пройти между Сциллой и Харибдой. В идеале нелегитимные законы должны быть вначале опротестованы, например через иски в Конституционный суд, международные суды. Однако репрессивный режим обычно научается защищать себя от таких неприятностей: в Конституционный суд набираются только «послушные» судьи, а «смельчаков», добирающихся до международных судов, всегда можно ущемлять и запугивать со многих сторон: от увольнения и закрытия бизнеса до избиений и угроз семье.

В этих условиях приемлемая форма опротестования нелегитимных законов – это публичное заявление в прессе и Интернете об их неправомерности с требованием их отмены, которое может быть и анонимным в случаях особо жестоких практик репрессивного режима. Если в этом заявлении убедительно доказано несоответствие полицейских законов либо конституционным нормам, либо международным документам о правах и свободах человека, либо общеправовым принципам и если в течение времени, достаточного для отмены закона (от недели до месяца), власть закон не отменяет, тогда действия протестующих, нарушающих этот закон, должны считаться легитимными, а репрессии против них – преступными.

Может ли быть оправдан вооруженный мятеж?

Крайне острым и непростым является вопрос об оправданности применения оружия протестующими (повстанцами). Полный запрет на использование ими какого-либо оружия или его подобия со

стороны государств вполне понятен и оправдан: в его основе лежит классическая идея М. Вебера о государственной монополии на легитимное насилие в границах самого государства. Кроме того, в современной общественной и политической мысли протестного толка произошел явный крен в сторону дискредитации вооруженного революционерства (с героями типа Л. Троцкого, В. Ленина, Мао Цзэдуна, Ф. Кастро и Э. Че Гевары) и проповеди мирных акций сопротивления (как то М. Ганди и М. Л. Кинг), ярко воплощенной в популярной книге Дж. Шарпа (2012).

Есть интересные и убедительные доводы как эмпирического, так и теоретического характера в пользу того, что мирный характер протестов ведет к гораздо более благоприятным последствиям в плане мирной смены власти, а также легитимности, устойчивости и демократичности постреволюционных режимов (Stephan, Chenoweth 2008). Основные аргументы в пользу сугубо мирных протестов таковы:

«Во-первых, приверженность демонстрантов принципам ненасильственного сопротивления значительно расширяет потенциальную базу поддержки среди населения. Недовольные граждане охотнее участвуют в тех акциях, организаторы которых избегают провокаций и столкновений с полицией, стараясь тем самым не подвергать своих сторонников риску оказаться в следственном изоляторе и суде.

Во-вторых, использование насилия против мирных демонстрантов создает раскол между группами, поддерживающими действующую власть, снижает сплоченность элит, умеренная часть которых может начать сочувствовать либо открыто перейти на сторону оппозиции.

В-третьих, действующие власти охотнее идут на переговоры с движениями ненасильственного сопротивления, потому что лозунги последних редко содержат угрозу жизни и здоровью политических руководителей страны.

В-четвертых, ненасильственные протестные движения получают значительно большую легитимность как в глазах собственного населения, так и в глазах международного сообщества. Попытки же использовать насилие снимают ответственность и легитимируют ответное насилие со стороны властей. Международное сообщество реже

вводит экономические и прочие санкции в отношении режимов, использующих оружие против насильственных протестов.

Наконец, продолжительные массовые акции вызывают сочувствие и поддержку среди силовых структур, представители которых сами хорошо видят проблемы, с которыми приходится жить обществу. Однако использование демонстрантами насилия, жертвами которого и становятся в первую очередь полицейские, ставит крест на подобных симпатиях и повышает готовность силовиков охранять статус-кво любыми средствами» (Трейсман, Соболев 2014).

Все эти аргументы представляются весомыми, они хороши как рекомендации для протестных движений и их лидеров. Но означает ли очевидное предпочтение мирного характера политического конфликта, что насилие и вооруженная борьба автоматически делают революцию и новую революционную власть нелегитимными?

Вообще говоря, трудно назвать страну, даже из числа «развитых», «хрестоматийных» демократий, в истории которых не было бы вооруженного и насильственного захвата власти через революцию и/или сепаратизм. Голландия появилась вследствие сепаратистской революции – отделения от Испанской империи. Великобритания ведет историю своей парламентской демократии от Славной революции, победу в которой обеспечило вторжение иностранной армии Вильгельма Оранского. США появились вследствие Американской революции – сепаратистского мятежа колонистов против Британской империи. Республиканская Франция ведет свою историю от Французской революции и нескольких потрясений – монархических и имперских реставраций, переворотов – в XIX в. Государственность современной Германии вообще была создана в условиях иностранной оккупации после кровопролитной войны, обрушившей прежний тоталитарный режим. СССР возник после двух революций и Гражданской войны. Удивительным образом он распался почти без жертв (трагические события в Баку, Карабахе, Сумгаите не были прямо связаны с распадом), однако нынешняя государственность Российской Федерации и ее конституция имеют фактическое начало в «кровавом» октябре 1993 г., когда полномочия президента было утверждено выстрелами по зданию парламента.

Как видим, насилие, вооруженные захваты власти и случаи вооруженного ее утверждения продолжают быть актуальными. Разу-

меется, сегодняшние представления о допустимости насилия и вооруженных восстаний являются более строгими, чем в историческом прошлом, однако смело можно предполагать, что в будущем кроме мирных будут и вооруженные, насильственные смены власти, особенно в репрессивных авторитарных режимах, подавляющих мирную оппозицию. Поэтому остается актуальным вопрос о критериях оправданности применения оружия и насилия протестующими.

Сформулируем общие принципы перехода протеста к формату вооруженного восстания, следование которым делает его оправданным (достойным последующей легитимации) настолько, насколько это вообще возможно:

- лучше всего обходиться без оружия, сугубо мирными средствами;
- вооружаться допустимо только после исчерпания всех возможностей мирного протеста (массовые мирные уличные акции, забастовки, пикетирование зданий, перекрытие трасс и т. д.) и в ответ на серию акций неправового насилия со стороны государства (избиения, пытки, убийства), которые не расследуются, не наказываются, а только усугубляются²;
- следует не провоцировать власть на применение оружия, а напротив, каждый раз отставать на шаг в радикальности политических действий, призывать власть и давать ей возможность перейти к мирному разрешению кризиса через компромиссы; вооружение протестующих не означает мгновенного перехода к стрельбе на поражение, сами по себе «ступени насилия» (угроза вооружения, угроза применения оружия, стрельба в воздух, стрельба из травматического оружия, стрельба по ногам) должны сопровождаться призывами вернуться в мирный формат переговоров и компромиссов;
- применять оружие на поражение можно только в ответ на жестокое и беспощадное применение оружия со стороны режима (расстрел протестующих с десятками жертв);
- наступательные боевые действия с целью разгрома сил режима и вооруженного захвата власти могут быть оправданы, толь-

² Фактически в этих случаях государство ведет с гражданами настоящую войну, поэтому решение протестующих о том, чтобы взяться за оружие, является актом самозащиты общества от преступного государства. В будущем же решение вооружаться должно быть легитимировано, поэтому необходимо документирование преступных деяний со стороны сил режима.

ко когда после десятков убитых власть не прекращает, а наращивает насилие с явной направленностью на массовое уничтожение протестующих.

Проблема провокаций

Если строгие принципы применения оружия направлены на деэскалацию насилия, то реальные интересы как со стороны режима, так и со стороны протеста могут быть направлены противоположным образом: на радикализацию действий, стрельбу, кровь, жертвы.

Интерес власти в таких случаях состоит в дискредитации протеста как опасных беспорядков, проявлений экстремизма, для подавления которого уже можно и нужно использовать жесткую военную силу с приказами о беспощадном подавлении и уничтожении восставших.

Интерес в эскалации насилия со стороны лидеров протеста, групп и лиц, стремящихся к смене власти, состоит в «сожжении мостов» – разрушении надежд и возможностей на мирные переговоры и компромиссы, в полной дискредитации режима, в мобилизации, подъеме еще более массовых протестов с установкой на насильственное свержение власти.

Работа по недопущению провокаций с какой-либо стороны, их разоблачение, следственные действия – все это необходимо практически, но лежит за пределами философско-правовой сферы. Отметим только связь провокаций с (не)легитимностью. Победит ли в ходе противостояния власть (подавление мятежа) или победят восставшие (победа революции), в любом случае власть в стране будет заинтересована утвердить или получить легитимность.

Поскольку легитимность государства прежде всего определяется его способностью защитить жизнь, свободы и права граждан, то есть эффективным контролем над насилием, действия по эскалации насилия (провокации) – это, пожалуй, чемпионы в плане дискредитации и делегитимации заказчиков таких действий. Данный принцип будет эффективен только в том случае, если он «проговорен» и известен сторонам конфликта, а также явным образом принимается субъектами легитимации: международным сообществом, Конституционным судом, почитаемой в стране церковью, партийными лидерами и избирателями. Риски быть пойманными и наказанными по закону за подготовку провокаций, ведущих к росту насилия,

должны многократно превышать выгоды, которые сулят результаты провокаций.

Принципы легитимации революционной власти

Оставим за скобками классические (неконституционные) монархии и те перевороты и революции в монархиях, которые не ставят целью переход к республиканскому строю, то есть ищут легитимность не на демократических и электоральных, а на династических принципах.

Свергнутая власть в авторитарном режиме, который пусть декоративно, но все же легитимировал себя через выборы и «волю народа», была какое-то время вполне законной, признанной. Революционные обвинения этой власти в том, что она своими действиями (неоправданным насилием, убийствами) себя делегитимировала, никогда не бывают стопроцентно убедительными. Встречные обвинения в незаконном захвате власти, узурпаторстве и самозванстве всегда сопровождали и будут сопровождать революцию и революционную власть. Как же она должна действовать, чтобы получить и утвердить искомую легитимность?

Во-первых, необходимо по мере возможностей сохранять преемственность институтов власти (особенно Конституционного суда и парламента) до новых парламентских и президентских выборов.

Во-вторых, революционная власть легитимна, если она провозглашает необходимость подчинения действующим конституционным нормам и законам, сама их выполняет, оговаривая при этом, какие законы теперь признаются неконституционными (репрессивными, полицейскими), но непременно ясно и юридически точно обосновывает отмену этих законов.

В-третьих, необходимо скорейшее объявление новых парламентских выборов. Недопустимо лишать избирательных прав какие-либо категории граждан, даже когда «революционное сознание» на это настроено (в отношении полиции, армии, спецслужб, чиновников), зато вполне приемлемо расширение избирательных прав (например, для женщин, малоимущих, этнических и религиозных меньшинств). Соответственно все действия, направленные на организацию новых свободных и честных выборов, должны считаться в правовом отношении оправданными и легитимными, а действия, направленные на срыв выборов, – незаконными. Имен-

но новоизбранный парламент задает легитимацию всех остальных институтов, только он способен принимать такие деликатные, но часто необходимые законы о люстрации.

Критерии легитимности революционных законов

Назовем революционными законами (или декретами) все нормы и правила, установленные новой революционной властью до избрания нового парламента. Проблема легитимности декретов стоит особенно остро, причем не только из-за сомнительной легитимности субъекта-законодателя, но также из-за их чрезвычайного характера. Революция вынуждена защищать себя в обстановке общенационального хаоса и затаившихся сил реакции, которые ждут удобного момента для реставрации прежнего режима и расправы над бунтовщиками.

Каждый закон включает шесть ключевых компонентов: субъект-законодатель, то есть орган, издающий закон; содержание закона; процедура принятия закона; орган, контролирующий выполнение закона; предполагаемая судебная инстанция, которая будет выносить решение в случаях обнаружения нарушения закона; орган, применяющий санкции по отношению к виновным согласно судебному вердикту.

Соблазн каждой революционной власти состоит в максимальном упрощении этой громоздкой структуры: законы издает исполнительная власть, ни с кем не согласуя и не заботясь особенно о процессуальных моментах, в подчинении у этой структуры и контролируемые органы, и назначенные суды, и силовой аппарат, готовый наказывать виновных. Действительно, ситуация кризисная, надежного аппарата и большого обученного персонала нет, оставшиеся от прежнего режима работники ненадежны. Отсюда естественная склонность к «чрезвычайщине», при обострении обстановки легко скатывающейся к террору, яркие примеры которого дают не только классические Французская революция и Русская революция 1917 г., но и революции в Алжире, Вьетнаме, Камбодже, Никарагуа.

Придется смириться с тем, что полной легитимности революционные декреты достичь не смогут. Зато выполнение определенных правил может существенно повысить не только признание декретов – оправданность их в глазах политических сил и населения,

но также эффективность их действия и легитимность самой революционной власти.

Во-первых, субъект-законодатель не должен ни совпадать с верховным исполнительным органом (до выборов – временным), ни подчиняться ему. Оставшийся от прежнего режима парламент, конечно, обеспечивает формально-правовую легитимность, но вполне может быть склонен к затягиванию, «пробуксовке» или даже саботажу, рассчитывая на скорую реставрацию или новую смену власти. Временный законодательный орган должен быть небольшим, но с непременным участием опытных юристов, конституционалистов, представителей разных политических сил, пусть с большинством из коалиции победителей.

Во-вторых, в идеале содержание новых законов должно соответствовать нормам конституции, не противоречить действующим законам (кроме откровенно полицейских и отмененных), соответствовать международным документам, базовым правовым принципам. Если же революционные вердикты ущемляют права и свободы каких-то групп населения, то необходимо четко «затвердить» временный характер таких норм и представить достаточные обоснования.

В-третьих, процедура принятия закона должна быть свободной и добровольной (без давления и угроз). Кроме того, обсуждение законопроектов, касающихся интересов, прав, свобод какой-либо группы населения, непременно должно происходить с участием авторитетных в своей среде представителей этих групп.

В-четвертых, формирование, подчинение и ответственность контролирующего органа должны обеспечивать его приоритетное стремление следовать букве и духу закона. Это означает, с одной стороны, определенную автономию относительно верховного исполнительного органа, с другой – подотчетность временному законодательному органу (в будущем – избранному парламенту), а также ответственность за правомерность своих действий перед судом.

В-пятых, наиболее сложная ситуация складывается с судебной системой, поскольку авторитарный режим, доведший страну до революции, обычно подчиняет себе суды, которые становятся органами репрессий, а не правосудия. Однако в разных случаях судебная система имеет неодинаковую степень правовой и моральной деградации. Отстранив наиболее одиозных судей, известных свои-

ми несправедливыми приговорами, революционная власть может опереться на лояльных к революции судей. Такой подход уж точно менее опасен, чем создаваемые на месте «тройки» из юридически безграмотных лиц, пусть сколь угодно приверженных «делу революции».

В-шестых, не менее труден вопрос с исполнением наказаний, поскольку судебные приставы и тюремщики также были частью репрессивной системы прежнего режима. Тем не менее смена руководства этих структур, введение новых правил, а главное, их ответственность перед судом с возможностью предъявлять иски за злоупотребления могут запустить процесс выздоровления и этой части государственного организма. Важный момент здесь состоит в том, чтобы аппарат исполнения наказаний не находился в прямом подчинении верховной исполнительной власти, дабы избежать соблазна последней расправляться с неугодными политическими оппонентами.

Три основания легитимности революционной власти

Вернемся к самой общей проблеме: каким образом революционная власть может и должна преодолевать правовую прерывность и утверждать собственную формально-правовую и общеправовую легитимность.

Представим ответ как три слоя опоры. Если не удастся удержаться в первом, то нужно отступить во второй, если же обстоятельства настолько жесткие, что не выдерживает второй слой, то остается лишь надеяться на самый глубокий третий слой. Этот последний будем считать той твердой опорой, встав на которую, следует затем выстраивать предыдущие слои.

Первый слой – максимальная преемственность правовых норм и политических институтов при революционной смене власти. До избрания нового законодательного органа должны работать все ранее принятые законы, кроме отмененных или измененных временной революционной властью в соответствии с требованиями и критериями, приведенными в предыдущем разделе. В этот период не следует ломать или существенно трансформировать сложившуюся систему политических институтов. Многие персоналии, запятнавшие себя нелегитимными, преступными деяниями, должны быть

освобождены от должности, желательно в соответствии с действующим регламентом. Замещающие их лица имеют статус исполняющих обязанности («временное правительство»), причем лучше, если это не будут лидеры, претендующие на скорое избрание, – чтобы не быть потом обвиненными в узурпации власти.

Ясно, что такая выверенная преемственность практически невозможна в реальных революциях. Высшие должностные лица обычно отказываются от добровольной сдачи полномочий, парламент и высшие судебные инстанции также могут не признавать смену власти и бойкотировать революционеров, их претензии и требования. Если же смена власти произошла насильственным путем, то взаимное отчуждение, ненависть достигают максимальных степеней, а это перекрывает все возможности «гладко» обеспечить политико-правовую преемственность новой власти.

Отступление в сложившихся условиях на второй слой опоры – это следование базовым принципам демократического государственного устройства и открытого правового общества. Сущность демократии составляют коллегиальное разделение власти и широкое (с XX в. – всеобщее) избирательное право (Коллинз 2015; Розов 2011). Второй момент достаточно очевиден и должен быть реализован в постреволюционных избирательных кампаниях. Рассмотрим детальнее первый момент, поскольку соответствующий принцип пока еще малоизвестен. Коллегиальное разделение власти – это коалиция автономных центров силы (сплоченных групп с разнообразными политическими ресурсами), которая, с одной стороны, препятствует авторитарной «вертикализации» государственного устройства, а с другой – действует солидарно и слаженно на основе постоянных обсуждений и принимаемых этими центрами процедур принятия решений (в том числе через ограниченное единоначалие). Каждый случай революционной смены власти во многом уникален, поэтому общих рецептов быть не может. Принцип коллегиального разделения власти позволяет указать на границы допустимых действий – на то, чего делать нельзя.

Нельзя бороться за «чистоту» революционной политики, подавлять имеющиеся или возникшие во время конфликта центры силы, пытаясь полностью вытеснить их из политического поля. Одновременно нельзя допускать «двоевластия», «многовластия», анархии. Главный исполнительный орган революционной власти

(в период до всеобщих выборов) должен пройти «по лезвию бритвы» между опасностью соскальзывания к диктатуре и опасностью соскальзывания к хаосу (который обычно завершается наиболее жестокой диктатурой).

Возможное решение – формирование малого временного законодательного органа (нечто вроде «революционного сената»), в котором должны быть представлены все реальные политические центры с силовыми, финансовыми, организационными и медийными ресурсами, в том числе и представители свергнутой власти, признавшие ее преступления и желающие участвовать в переустройстве государства на новых началах. Временный исполнительный орган должен быть сформирован этим «сенатом» и отчетываться перед ним. «Сенат» также отстраняет от должности дискредитировавших себя судей и формирует временный состав высшего судебного органа, который уже самостоятельно выстраивает судебную систему с независимыми судами, ответственными только за честное следование законам. Именно «сенат» как коалиция центров силы должен выстроить иерархию избирательных комиссий, установить правила честности и открытости последующих всеобщих выборов законодательной и исполнительной власти.

Таким образом, во втором слое опоры революционной легитимности коллегиальное разделение власти (во временном законодательном органе – «сенате») должно сопровождаться обеспечением традиционного разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную даже в самый опасный и острый период между сменой власти и общенациональными выборами.

В это время наибольшей конфликтности и угроз постоянно возникают труднейшие, нестандартные ситуации, когда необходимо срочное принятие решения, но для этого недостаточно ни имеющейся формально-правовой базы (первый слой опоры), ни принципов коллегиального разделения власти и разделения властей (второй слой). Остается третий слой, суть которого в приоритете защиты общезначимых ценностей, прежде всего жизни, прав и свобод человека и гражданина.

Речь идет о той самой «человечности» как основе вердиктов Нюрнбергского трибунала. По той же логике создавались базовые документы ООН, начиная с Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Явная, честная, бескомпромиссная апелляция к нормам это-

го документа является пусть и не абсолютной, но очень весомой гарантией признания оправданности политического решения, а значит, работает на повышение правовой, международной и авторитетной легитимности революционной власти, принявшей такое решение.

Условная «Вандея» – как поступать с вооруженной контрреволюцией?

Наиболее трудные вопросы возникают перед революционной властью, когда существенная часть общества, особенно локализованная в провинции, которую назовем условно «Вандея», не признает новую власть, вооружается, стягивает силы защитников прежнего режима. Попустительство, игнорирование этой угрозы может привести к поражению революции, реставрации свергнутого режима, последующему периоду реакции с жестокими репрессиями. Однако силовое подавление контрреволюционного мятежа чревато массовыми жертвами, в том числе среди мирного населения, а также опасно и тем, что делает силу привычным и «легитимным» способом решения политических конфликтов, а триумфатора силовой победы прямо ведет в «бонапартистское кресло диктатора».

Здесь следует различить две полярных идеально-типических ситуации. Мятеж вполне может быть навязан незначительным меньшинством, в том числе с использованием иностранной помощи. Остальное население «Вандеи-1» может быть инертным, не определившимся или даже сочувствующим революции. Но бывают и противоположные ситуации («Вандея-2»), когда практически все население привержено прежним власти и режиму, не воспринимает революцию, не желает подчиняться новым властям и готово отстаивать свою позицию с оружием в руках. Ясно, что стратегии в обоих случаях должны быть различны. Рассмотрим их, а затем уже перейдем к более сложному случаю «серой зоны».

Задача нейтрализации «Вандеи-1» сводится к тому, чтобы локализовать очаги мятежа, всячески опираться в этом на поддержку местной власти, влиятельных групп и населения, блокировать мятежников, вести с ними переговоры о сдаче. Заметим, что формально-правовые аргументы революционной власти без труда «опрокидываются» сходными аргументами лидеров «Вандеи-1»: захват власти был нелегитимен (что верно!), значит, подчиняться

ей люди не обязаны, а попытка силового подавления – это незаконная карательная операция узурпаторов.

Здесь на помощь приходит вторая опора. Правомерный порядок действий таков. Если мятежники не проявляют жестокости, их лучше всего блокировать и вести мирные переговоры вплоть до новых выборов. А вот в случаях жестокого насилия со стороны мятежников, убийств, пыток, захвата заложников соответствующие доказательства следует представить в суд. Решение суда об аресте и возможном смягчении наказания при мирной сдаче донести до мятежников. И только при повторном отказе становится оправданной силовая операция, цель которой – арест или уничтожение теперь уже обвиняемых с минимальным причинением ущерба мирным гражданам.

Приказ о силовой операции на основе решения суда принимает исполнительный орган, но поскольку вопрос о применении насилия при отсутствии полноты легитимности крайне трудный, правильно будет, если общий план, цели и срок операции будут утверждены «сенатом», в котором представлены главные автономные центры силы. Оставляя за собой такую привилегию, центры силы, с одной стороны, солидаризуются в своем решительном, но подчиненном праву и решению суда образе действий, с другой стороны, обеспечивают себе безопасность на будущее, поскольку в постреволюционной ситуации слишком часто силовые структуры выходят из-под контроля или, подчиняясь одному центру, начинают подавлять остальные. Таким образом, вторая опора здесь приходит на помощь.

Увы, это не помогает в случае «Вандеи-2». Никакой суд не объявит сотни и тысячи людей «обвиняемыми». «Сенат» также вряд ли возьмет на себя ответственность за масштабную силовую операцию – фактически за начало гражданской войны. Исполнительная власть во главе с лидером может поддаться на неминуемые подталкивания к «решительным действиям», что само по себе опасно: привычка к насилию имеет тенденцию закрепляться и расширять сферу действия.

Обращаемся к третьей опоре, где приоритетны жизнь, права и свободы граждан. Сразу же получаем критерий разделения мятежников – сторонников контрреволюции – на обвиняемых в неправовом насилии и на мирных граждан. Однако эти мирные гражд-

дане горой стоят за своих лидеров и радикалов, готовы защищать их своими телами или с оружием в руках.

Здесь возникает острейшая дилемма. Что должно быть главенствующим принципом действий: территориальная целостность государства или жизнь, базовые права и свободы граждан? Геополитика или гуманизм? Из предыдущего рассуждения уже ясно, на какую сторону склоняется автор. Тогда усилим противную сторону. Допустим, «Вандея-2» расположена на особой священной земле (как Косово для сербов), имеет богатейшие природные ресурсы (как богатая нефтью Норвегия при отделении от Швеции), единственный и необходимый выход к морю (как Черногория для тех же сербов). Иными словами, утрата занятой мятежом территории – большая и явная геополитическая потеря для государства. Что же делать?

Разумеется, начинать нужно с мирных переговоров. Искусство дипломатии заключается в том, чтобы игру с нулевой суммой превратить в игру с ненулевой суммой или *win-win*, когда обе стороны выигрывают. Обсуждаться могут варианты широкой автономии, федерации, конфедерации и разделения государств, но с учетом интересов сторон, в том числе интереса новой революционной власти к ресурсам на мятежной территории. Такого рода переговоры никогда не бывают легкими. «Вандея-2», видя, что на нее не собираются сразу идти войной, может занять непримиримую сепаратистскую позицию, отрезая революционный центр от столь необходимых ему ресурсов или выхода к морю. Соблазн подавить мятеж и добиться желаемого силой велик, и редко кто в мировой истории от него отказывался.

Дипломатия обычно орудует «кнутом и пряником» – угрозами и предложением возможностей. С учетом приоритета жизни, прав и свобод на первом этапе угрозой может быть только объявление мятежной провинции «вне закона», что чревато последующими неприятностями вплоть до силового «восстановления территориальной целостности». Возможности же («пряники») – это предоставление автономии при условии гарантий и приемлемых условий доступа центра к значимым ресурсам.

Допустим худший (вполне вероятный, кстати) вариант: переговоры зашли в тупик. Тогда верный путь – «замораживание» ситуации вплоть до выборов в центральные органы власти, причем мя-

тежная провинция остается в статусе «вне закона». Потом уже избранный и легитимный парламент должен решать, как с ней поступить: чем угрожать и что предлагать. Когда новое постреволюционное государство получает международную легитимность, оно может вступать в коалицию с другими государствами, и тогда арсенал угроз и возможностей существенно возрастает. И все равно «Вандея-2» опять занимает непримиримую позицию. Решение добиваться своего войной – крайне опасное, неприятное, грозит не только большими жертвами, но и гнусностью братоубийства.

Наверное, здесь тот самый случай, когда приходится прибегать к прямой демократии – референдуму. Суть его в том, чтобы получить или не получить от граждан, населяющих подконтрольную новой власти территорию, одобрение на жесткий ультиматум «Вандее»: соглашаться на вариант отношений с доступом центра к значимым ресурсам провинции или ждать силового варианта достижения этого доступа.

Важно, что при отказе граждане дают согласие на силовой вариант путем голосования (увы, лучшего способа определения общей воли нет). А это означает, что они согласны воевать, посылать сыновей, мужей и братьев на возможную смерть, что территориальная целостность, доступ к святыням, особо значимым ресурсам или морю для них настолько важны, что подобные риски и жертвы они считают оправданными. Заметим, таково свободное решение граждан. Они ведь могут и отказаться: жить в меньшей, более бедной, оторванной от дорогих святынь или от моря стране. Тоже вполне приемлемый выбор.

Что же в это время происходит с «Вандеей-2»? Мятеж против революционного правительства, которое не спешит с его силовым подавлением и сосредоточено на выборах, соблюдении правовых норм, свидетельствует скорее об авторитарном и реакционном настрое лидеров мятежа, а также немалой поддерживающей их части населения. Вместе с тем первоначальное возмущение сменой власти, страх перед новой властью в столице обычно угасают, если их не подпитывать. Так или иначе, лидерам и населению этой провинции тоже придется выбирать: либо соглашаться на какой-то мирный *modus vivendi* с революционным центром, либо воевать с ним.

Мирное разрешение кризиса при отделении мятежной провинции может повысить международную легитимность революционной власти, но, скорее всего, негативно скажется на ее силовой и популярной легитимности, поскольку потеря территории почти всегда воспринимается как геополитическое поражение и падение престижа. Оптимально мирное разрешение при сохранении целостности страны, даже с предоставлением самой широкой автономии ранее мятежной «Вандее».

Военный конфликт, тем более с эскалацией в кровавую и затяжную гражданскую войну, – худший вариант во всех смыслах. Здесь при прочих равных побеждает центр (благодаря ресурсному и военно-организационному преимуществу), но возможна и победа «Вандеи», если на ее сторону встает соседняя могущественная держава, вероятно, имеющая собственные интересы к подавлению революции и реставрации старого режима (реставрация правления Бурбонов посредством чужих штыков в 1814–1815 гг. вполне хрестоматийна). Однако вопросы военной динамики находятся за рамками настоящего обсуждения. Здесь нас интересуют только факторы легитимации победителя.

Если оставить в стороне все внешние факторы геополитических, корыстных, идеологических и подобных интересов (увы, всегда значимых), то оправдание и легитимация победителя будут зависеть не только от характера военных действий (защита мирных жителей, нормальное обращение с пленными, исключение пыток и заложничества и т. д.), но также от аргументированности самого обращения к силовым методам, обоснованности соответствующих мотивов и правовых оснований, реальности попыток разрешить конфликт мирным путем.

Если для революционного центра вполне приемлемым основанием является «восстановление территориальной целостности», то «Вандея» с союзниками, вероятно, будут апеллировать к «восстановлению конституционного порядка». Для легитимации последнего мотива также необходимы предварительные попытки мирного разрешения кризиса через предъявление требований к революционной власти, которые были бы, с одной стороны, конституционно обоснованными, с другой стороны, выполнимыми. Вообще говоря, в такие узкие рамки входит только путь новых общенациональных выборов, что революционная власть, рассчитывающая на легитимацию рево-

люции, в любом случае обязана делать. Если же мятежная провинция и ее могучие союзники делают все для срыва выборов, то тем самым они полностью подрывают к себе доверие и даже в случае военной победы не могут рассчитывать на международное признание.

Библиография

- Коллинз Р. 2015.** *Макроистория: очерки социологии большой длительности*. М.: УРСС.
- Мирзоев С. 2006.** *Гибель права: легитимность в «оранжевых революциях»*. М.: Европа.
- Розов Н. С. 2011.** *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. М.: РОССПЭН.
- Трейсман Д., Соболев А. 2014.** Может ли насилие помочь успеху протеста. *Ведомости* 6 марта. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/23649101/daniel-trejsman-anton-sobolev-mozhet-li-nasilie-pomoch#ixzz2ziN4ubzZ>.
- Шарп Дж. 2012.** *От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения*. 2-е изд., испр. М.: Новое изд-во.
- Collins R. 1999.** *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. Stanford University Press.
- Skocpol T. 1979.** *States and Social Revolutions*. New York: Cambridge University Press.
- Stephan M., Chenoweth E. 2008.** Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict. *International Security* 33(1).
- Stinchcombe A. 1987.** *Constructing Social Theories*. Chicago; London: The University of Chicago Press.